

Т.Н. Жужгина – Аллахвердян
Национальный горный университет
г. Днепропетровск

АНТИЧНЫЙ ИНТЕРТЕКСТ В СТИХОТВОРЕНИИ АЛЬФРЕДА ДЕ ВИНЬИ «СИМЕТА»

У статті представлений інтертекстуальний аналіз одної з найменш відомих поем Альфреда де Вінї «Симета», вирішуються проблеми символічної інтерпретації античних образів у романтичному тексті, розглядається питання романтичної творчої уяви на прикладі ранньої поезії французького поета.

Энигматическое содержание ранних стихотворений А. де Виньи, которые обычно литературоведы обходили вниманием, ссылаясь на непонятность текстов якобы из-за их незрелости, легко поддается аналитико-психологическому методу в юнгианской традиции, рассматривающей творческий процесс как "живое существо, имплантированное в человеческую психику". В соответствии с этой традицией стихотворения "Симета", "Дриада", "Купание знатной римлянки" следует отнести к экстравертному типу творческого сознания, а мистерии как и исторические поэмы "Тюрьма", "Рог", "Трапист" – к интравертному.

Проще всего было бы отнести "Симету" к жанру подражания эллинским поэтам или А. Шенье, не заметив симптомов интуитивного прозрения поэта, манифестации "Я" и собственных "нарциссических миражей". Однако это стихотворение может служить яркой иллюстрацией аналитико-психологических выкладок К.Г. Юнга о художественном произведении и способах аналитической интерпретации символических образов бессознательной мифологии. Юный Виньи ищет путь к "себе в поэзии", трансформируя собственные переживания в красивые греческие символы. Экстравертный символический текст "Симеты" становится

"настоящим искушением" для мыслей и чувств современного читателя [4,с.22], побуждая некоторых исследователей трактовать "смутные" поэтические образы во фрейдистском духе [9, с.60].

Незамысловатый сюжет и типичная элегическая любовная интрига "Симеты" ("Symétha", 1815) с самого начала вводили критиков в заблуждение своей простотой. Безымянный юноша безнадежно влюблен в деву-ребенка, которая навсегда покидает Афины, отплывая на остров Лесбос. Не ведая о страданиях влюбленного, девушка радостно бросает в воду цветы и мечтательно слушает Зефира. Поверхностный план текста позволяет увидеть в "Симете" только лишь идиллию о "наивной прелести" древнего мира, об "ускользающей навеки мечте", "ностальгию воспоминаний" в духе "школы Шенье". Однако главной движущей силой мифопоэтического текста (интертекста) "Симеты", сформированного из осколков и фрагментов старой аллегорико-символической культуры, стала символика огня и воды. Психологически и семантически она совпала с символикой "грез", "снов" и "мечтаний".

В работе "Художник на службе у стихий", опубликованной в сборнике "Право на грезу" (Droit de rêver), Г. Башляр писал: "Стихии – огонь, воздух, земля, вода, уже издавна помогавшие философам представить великолепие мироздания, остаются и первоначалами художественного творчества. Воздействие их на воображение может показаться довольно косвенным и метафоричным. И тем не менее едва устанавливается подлинная причастность произведения искусства космической силе элементов, сейчас же возникает впечатление, будто мы нашли основание единства, подкрепляющего единство и целостность самых совершенных произведений"[5, с. 200]. "Присущие нашему духу силы воображения, – утверждал литературовед, – развертываются по двум весьма несходным осям. Одни из них устремляются ввысь, видя нечто новое: они забавляются красочностью, разнообразием, неожиданными событиями. Воображение, одушевляемое ими, всегда находит весну, чтобы описать ее. На лоне

природы, вдали от нас, уже живые, они рожают цветы; и "в глубь бытия; в бытии они ищут одновременно и первозданное, и вечное. Они властвуют над временами года и над историей"[1,с.16]. Французский исследователь полагал, что творчество всегда стоит у истоков, "будь то чтение или письмо, первичный оригинальный импульс или отражение, подражание".

В терминологии Г. Башляра содержание "Симеты" можно интерпретировать с точки зрения соотношения материального и формально-поэтологического [1, с.16]. Воображение поэта-романтика не копирует, не подражает образцам, но "вспоминает" и "переплавляет" в романтический текст архаический (античные руины, эпическая поэзия Гомера, драма Еврипида), эллинистический и средневековый символизм безнадёжно влюбленного сердца, отводит для него имагинативное и онирическое пространство. Такой подход дает ключ к расшифровке символики "стихии чувств", закодированного в мифопоэтическом тексте настроения и экспликации смысла романтического "неподражания" античному прототексту.

Разнообразные по тональности образы воды придают "текучесть" элегическому тексту "Симеты". Заполняя воображение поэта-экстраверта, стихия воды контролирует и направляет созидательный процесс – чувственный, мыслительный, интуитивный. Мифопоэтическое воображение проецирует два противоположных образа – невинной девы и юного влюбленного; противопоставляет два различных настроения – классически-идиллическое (наивно-жизнерадостное) и элегически-печальное. Природная стихия отражает стихию чувств, фиксирует поэтические прозрения и "зыбкие" мысли. В семантике воды смутные "первобытные образы", связанные с символикой "одиссеи", поиска смысла жизни и блужданий в лабиринте Минотавра (в самом себе, своем бессознательном) приобретают четкие очертания образа любви-ненависти. Под знаком воды проходит размежевание, разделение и соединение "женского" и "мужского" начал. Архетип воды наполняет глубоким смыслом описание мимолетных,

"текучих" отношений, "нарциссических миражей" юных героев, первого любовного опыта, робкого и пылкого отношения одного "Я" к "другому"[2,с.42]. Неясные переживания оформляются в символику волны, спокойной или бурной, прозрачной или глубоководной стихии моря; элегическая печаль и томление запечатлены в образе глубоководья ("Symétha s'est fiée aux flots profonds...").

Как писал Гастон Башляр, "греза, материализующая воображение, начинает соединяться с "менее подвижными, более чувственными" видениями воды, "начинает ощущать воду с большей интенсивностью и глубиной". Когда вода отдаляет юношу от объекта воздыхания, преобразуясь в символ разлуки и "неразделенной любви", речь грезящего влюбленного наполняется трагическими интонациями. Юноша жаждет мести, призывая неумолимую стихию затопить ненавистный Лесбос, отнимающий у него возлюбленную ("O vierge de Lesbos! Que ton île abhorrée / S'angloïtisse dans l'onde à jamais ignorée...").

"Раздраженное бессознательное"(К.Г. Юнг) рисует картину гибели острова, урагана, бушевавшего и в душе шатобриановского Рене. Но в элегической печали персонажа "Симеты", даже в его раздражении уже нет ни "щемящей" и "разрывающей сердце на части" тоски Рене, ни его энтузиазма. Образ "добродетельного сердца"[3, с.83] уже наполнен символическим содержанием огня, но это еще не "священный огонь" энтузиазма (Ж. де Сталь, П. Балланш), не "божья искра", что зажигается в душе Поэта, не огонь Прометея в значении поэтического дара и творческого озарения (В. Гюго, А. де Виньи). Архетип Прометея, один из наиболее значительных в романтическом символизме, появится в художественном творчестве Виньи только в 1830-е гг. – в романе "Стелло" и драме "Чаттертон". В "величайшем мифе о мятежном разуме" (А. Камю) поэт-романтик заимствует идею прометеева огня как неугасимой творческой искры и пламенной страсти.

Подобными созидательными качествами наряду с качествами деструктивными романтики наделяли и других "бунтарей" – Каина, Люцифера, Демона. В 1833 г. А. де Мюссе пояснит эти романтические интенции: "Искусство – это чувство, но каждый чувствует по-своему. Знаете ли вы, где начинается искусство? В голове человека, в его сердце или его руке до самых кончиков ногтей? Священный ужас, религиозная дрожь должны владеть художником во время работы; Данте, должно быть, содрогался перед адом, созданным его собственным воображением, а Рафаэль, принимаясь за работу, чувствовал, как подгибаются его колени"[7, с.3-4].

Позже Виньи сформулирует идею поэтического энтузиазма как Прометеева огня в "Дневнике Поэта": "Энтузиазм – это внутренний огонь, он оживляет мысль и поэзию. Энтузиазм – это поэтическое вдохновение, выраженное языком символов (бриллиант, жемчужина, зеркало, кристалл)". По глубокому убеждению французского романтика "священный огонь энтузиазма нашел прибежище в Поэтах" (1837) [8,с.61-68]. Как мифопоэтический символ и категория романтического дискурса «сердце Поэта» символизирует источник гениальности, веры и любви, освященной Богом, *terra incognita* творческого воображения.

В "Симете" в "гомерическом" по своей природе образе бурной морской стихии закодированы юношеский нарциссизм автора, его "аффективные фантазии" на тему инстинктов разрушения, как типичных проявлений "экзистенциальной негативности" [2,с.12]. Образ затонувшего острова превращается во враждебный символ, а поглотившей остров волны – символ необузданной природной стихии и, по принципу зеркального отражения, – бурной стихии человеческих чувств – агрессивности, враждебности, ярости, вызванных беспомощностью и отверженностью.

Однако всепоглощающая морская стихия означает не только деструктивное начало. Архетип воды [3,с.10] сохраняет смысл созидающего, благославляющего и охраняющего материнства.

Выраженные в символике моря любовь и ненависть остались предметом внутренней речи героя, не произнесенного и, следовательно, не услышанного Симетой монолога. Этот момент символичен. Образ воды, всего "текучего" (в том числе чувства и речь) имеет судьбоносное значение разделительной черты между мужской и женской природой. Мужское и женское начала противопоставлены, взаимоисключены, но и не существуют друг без друга, подобно природным стихиям ветра, огня, воды, земли. Если пылающее воображение отверженного юноши питается огнем и порождает образ урагана, то безмятежное радостное воображение Симеты, находящейся под покровительством воды, создает образ неуловимо влекущей материнской земли – магического острова Лесбоса. В точках соприкосновения диссонансных стихий происходит единение противоположностей: Он и Она олицетворяют "первичный нарциссизм" [2,с.12], свойственный влюбленному во "все прекрасное" юному автору элегии. В конце жизни Виньи, идеализируя свое чувство прекрасного, вспоминал: "Mon sentiment intime, pofond, inné, c'est le déplaisir et le dégoût de la vie. Non le désespoir ou la douleur en aucune sorte, mais l' horreur de la laideur. Dès l'enfance j'eus l'idée et le désir d'une beauté physique et morale de la Création, qui me la fit souhaiter et rêver meilleure". ("Неприязнь и отвращение к реальности – это глубоко личные чувства. Не отчаяние и не боль, но ужас я испытывал при виде ее уродства. С детских лет я размышлял о физической и моральной красоте Творенья, и эти размышления лишь укрепляли мои чувства и мечты") [8].

Это признание объясняет финальные строки "Симеты", запечатлевшие культ "искреннего чувства" и "естественной красоты". "Cette plainte innocente, et cependant perdu; / Car la vierge enfantine; auprès des matelos, / Admirait et la rame, et l'écume des flots, / Puis, sur la haute poupe accourue et couchée / Saluait, dans la mer, son image penchée, / Et lui jetait des fleurs et des rameaux flottants, / Et riait de leur chute et les suivait longtemps; / Ou, tout à coup rêveuse, écoutait le Zéphire / Qui, d'une aile invisible, avait ému sa lyre". Тихо

плещущаяся за бортом корабля волна (l'écume des flots) – символ "незлобивости природы" (С. Великовский), материализует девичьи грезы, ничем "не замутненное воображение", сладостные мечты юности, не знающей ни любви, ни печали. Мотив брошенных в воду цветов – аллегория расставания с Афинами и прощания с детством. В философском смысле идиллический образ цветов смягчает драматическое противоречие мужского и женского начал, управляемых различными водными стихиями.

Образ девушки, любующейся своим отражением в зеркале воды, – типичный нарциссический символ, которым отмечена французская элегическая поэзия 1820-х гг. В терминологии Г. Башляра именно символика играющей и отражающей воды связана с "иллюзиями развлекающегося воображения" и нарциссизма ("Без полюса во вселенной не могла бы быть установлена полярность самого себя"; "Нарцисс у источника не только погружен в созерцание самого себя. Его собственный образ есть центр мира"; "Космос в какой-то мере, следовательно, затронут нарциссизмом"). Зеркальная символика свидетельствовала о совпадении интенциональности текста и авторских интенций. Но это было инуитивное совпадение. "Копание" в собственной глубине, в тайных смыслах неразделенной любви, ревности и ненависти – это, возможно, попытка увидеть со стороны свой собственный "жизненный опыт", извлечь на свет юношеское бессознательное (символически это выражает поверхность воды), неоформленные мечты. Потому можно рассматривать это стихотворение как мифопоэтическую иллюстрацию психологического комплекса незрелости, одиночества, потерянности в моменты прощания с детством и переживания первой любви.

Библиографические ссылки

1. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Изд-во гуманит. лит, 1998.
2. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. – М.: Логос. Русское феноменологическое общество, 1997.

3. Пригодій С. Античність та американський романтизм. – Чернівці: Рута, 2003.
4. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэзии // Юнг К. Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство. – М.-К.: Рефл-Бук Ваклер, 1998.
5. Bachelard G. Droit de rêver. – P., 1970.
6. Eigeldinger M. Alfred de Vigny. – P., 1965.
7. Musset A. de. Mélanges de littérature et de critique. – P., 1867.
8. Oeuvres posthumes d' Alfred de Vigny in : Eigeldinger M. Op.cit.
9. Vigny A. de. Oeuvres complètes. – P., 1974.